

Андрей
ДЫШЕВ

Щекощ нервы.
ДОРОГО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Щекочу нервы. Дорого

Андрей Дышев

Щекочу нервы. Дорого

«Автор»

2005

Дышев А. М.

Щекочу нервы. Дорого / А. М. Дышев — «Автор»,
2005 — (Щекочу нервы. Дорого)

Очень нравилось богатенькому бизнесмену Александру Юдину быть монгольским ханом – грабить, жечь, насиловать... Душа, истосковавшаяся по особым ощущениям, ликовала. Поэтому, когда экстрим-агентство «Сламбер» предложило ему побыть крутым гангстером, он с радостью согласился. В черном костюме и черных же очках, в лихо заломленной шляпе он ворвался в банк, размахивая пистолетом, и вскоре вышел оттуда с чемоданом денег и горой трупов за спиной. Ничего, что все это – игра, зато нервы щекочет что надо. Но очень скоро Юдин понял, что это была вовсе не игра. Похоже, его крупно подставили, и теперь, чтобы замести следы, ему придется убивать по-настоящему. Что он и делает. Но – увы! – самый настоящий экстрим еще впереди...

© Дышев А. М., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Щекочу нервы. Дорого	5
1	5
2	11
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Дышев

Щекочу нервы. Дорого

Щекочу нервы. Дорого

Повесть

1

Юдин с напряженным вниманием смотрел, как Мила листает рекламный буклет со скрипуче-резиновыми мелованными страницами. Лазуритовое море выплескивалось с них на зеркальный столик.

– Может, в Таиланд? – спросила она, и ее перламутровый ноготок уткнулся в пальму, похожую на горящий зеленым пламенем факел.

– Мне надоели вонючие слоны и наглые обезьяны, – ответил он ледяным голосом.

В Таиланде они были три месяца назад. Вонючих слонов и наглых обезьян он видел там лишь издали, они никак не могли ему надоест. Ему надоела жена. Окончательно. Бесповоротно. До краев терпения. Мало того, он почувствовал, что она начинает потихоньку приучать его к своим желаниям, начинает навязывать ему свою волю. Это были опасные симптомы. Впрочем, опасные – слишком громко сказано. Юдин не позволит ей поднять голову и ни на йоту не утратит власти над женой. Потому что она – ничто. Человек, от которого ничего не зависит в их семье. Она ничего не может. Она не родила ему ребенка, не заработала денег, не сделала карьеры, не стала актрисой, фотомodelью или на крайний случай мелким начальником. Полнеющая и быстро стареющая женщина.

Он смотрел на ее ухоженные руки, на отливающие ракушечным перламутром ногти. И это тоже – его заслуга. Его деньги облагораживали заурядную внешность Милы. Она, как давно повелось в их семье, попросила у него денег на маникюр. А он ей ответил: «А ты попробуй быть красивой без денег. Возьми естественную красоту у природы. Сядь на диету, начни бегать в парке, купайся в проруби». Он вволю поиздевался над ней перед тем, как дать деньги, и хорошо видел, что его слова достигают цели, причиняют ей унижающую боль. Но не возмущалась, терпела. Знала кошка, чье мясо съела...

И Юдин дал себе зарок, что никогда больше не поедет с Милой в отпуск. Он и только он будет распоряжаться собой, придумывать себе развлечения и выбирать удовольствия. Ибо он хозяин, кормилец, лидер – словом, бог и царь для этого жалкого и слабого существа... Мила перевернула страничку. Он смотрел на жену исподлобья, с тоскливым ожиданием очередной попытки проявить требовательный каприз. Ему доставляла удовольствие эта игра, и он ждал, когда она снова заговорит, чтобы ответить ей насмешливо и высокомерно.

Мила рассматривала большую фотографию пронзительно-синего залива, стиснутого горячими желто-коричневыми холмами. Наверняка там американцы снимают пейзажи, которые потом выдают за марсианские. В Шарм-Эль-Шейхе они отмечали прошлый Новый год, это была идея Милы. Юдин чувствовал себя идиотом, прогуливаясь в плавках по пляжу. Его генетическая память пребывала в панике, ей не хватало мороза, сугробов и пахнущих свежей хвоей елок. Но Миле там очень понравилось. Особенно ее впечатлило, как курчавый, со сверкающими жуликоватыми глазенками арапчонок, прибиравший в номере, скручивал из полотенца белых лебедей.

– В Шарм-Эль-Шейх ты, конечно, не хочешь, – сказала жена, почувствовав, какое мощное противодействие для нее подготовлено. – Тогда, может быть, на Канары? Да! Я хочу на Канары!

– А ты заработала на Канары?

Она молча опустила глаза, делая вид, что читает список услуг и расценок. Вопрос без ответа. Вопрос – напоминание. Вопрос – хлыст. Мелованная страничка дрожала в ее пальцах. Лет пять назад все было иначе. Юдин служил авиационным техником в умирающей подмосковной воинской части, и эта служба не была нужна ни родине, ни семье, ни ему лично. Она вообще никому не была нужна, даже командиру части, обрюзгшему полковнику, который продал на металл все, что пожелали купить китайские предприниматели. Юдин с Милой несколько лет сидели без денег, жили в тещиной квартире. Теща, злобная и жадная лупоглазка, похожая на железнодорожный семафор, скрещивала руки на своей высохшей груди и отрывисто выплевывала одни и те же слова: «И долго это будет продолжаться? Долго ты собираешься сидеть на моей шее?» Мила заблаговременно исчезала в закоулках большой, темной, пахнущей мастикой для полов квартиры, чтобы не предавать Юдина открыто. Потом, оставшись с Юдиным наедине, хлопала глазами, до отвращения сильно смахивая на мать, и фальшиво сокрушалась: «Неужели она так и сказала? Я обязательно с ней поговорю! Я ей все выскажу!»

А потом вдруг его брат Виктор тихо и быстро приватизировал занюханый заводик по производству арматуры, где служил военпредом, подмял мелкие, раскиданные по городу цеха и склады и выставил счет должникам. В качестве вышибалы принял на работу Юдина, который уволился со службы за один день и стал стремительно прибавлять в весе. Периферийные должники, напуганные тугим животом и уголовным сленгом Юдина, расплачивались быстро и чем могли. Если не было денег, отдавали подержанные иномарки, дачи, строительные материалы. Через год Юдин въехал в четырехкомнатную квартиру, отобранную у обанкротившегося бизнесмена за долги, занял загородный дом другого должника и сел за руль навороченной «БМВ». Но высшее удовольствие доставили Юдину новые отношения с тещей. В меду захлебывалась его душа, когда теща униженно лебезила перед ним: «Сашенька, а что ты хочешь на ужин? Что тебе приготовить такого, чтобы тебе было вкусно? А давай я твои носочки постираю!» И Юдин, протягивая теще ногу, смотрел, как она, раскорячившись перед ним, бережно стягивает с его ноги носок, и думал: «По-другому запела, поганая старуха?» Или, например, он приезжал к ней в гости, обедал, а потом сразу же надолго занимал туалет. Просидев там изрядно, он выходил и объявлял: «У вас, Зинаида Викторовна, сегодня был на редкость вкусный борщ!» Тем самым он обрекал тещу на тяжкие и мучительные размышления о том, почему зять пришел к такому выводу, сидя на унитаза.

Вся его семейная жизнь с тех пор стала реваншем, восполнением вычерпанного до дна достоинства, замасливанием былых унижений. Юдин не мог насытиться. Слаще секса стали обыкновенные разговоры с женой, когда она, с отчаянием щадя свое самолюбие, просила у него денег. «Скажи «гав!», – требовал Юдин, зажав в пальцах и высоко подняв несколько крупных купюр. «Гад!» – отвечала жена, ловко смазывая последнюю букву. «Плохо! Еще разочек!» – требовал Юдин. «Гад!» – звонко повторяла жена, по-собачьи безвольно свесив руки над грудью...

– А если в Испанию, Саша? Бой быков, красное вино, лазурный берег?

– Пошлятина! – Юдин закатил глаза под потолок, который подпирали нежными плечиками лепные амурчики. – Небоскребы стоят по границе пляжа. Над головой грохочет хайвей. Я чувствовал себя там цирковым дельфином во время представления... У тебя запросы провинциальной дурочки, падкой до любой рекламы.

Мила застыла на мгновение, обида парализовала ее. Но замереть, застыть – значило показать, что обида достигла цели, усвоена, растворена где-то в пульсирующей аорте. Она попыталась вести себя так, будто Юдин сказал ей что-то приятное. Повела плечом, склонила голову

набок, неловко поправила упавшую на лоб челку. Юдин обратил внимание, что у нее полные руки. И зачем она купила это дурацкое платье в стиле ретро, без рукавов и с наглухо закрытым воротом? Разве можно такие руки выставлять напоказ? Мила неудержимо полнеет. Это первый признак приближающейся старости. Замедляются обменные процессы, тело становится менее подвижным, и под кожей начинают разбухать комочки жира, похожие на желтые грозди незрелых куриных яиц. Какая гадость! Юдин представил на ее месте тонкую, как осока, нимфеточку, только что сошедшую с модельного подиума. Заманчиво. Однако... Многие коллеги Юдина, поднявшиеся на бизнесе, поменяли стареющих жен на полупрозрачных фотомоделей. Какой-то болезненный бум – все новое, все дорогое, все престижное: машина, квартира, костюм, зажигалка, мобильник, собака, жена... Но Юдин удержался от столь радикальной хирургии, стареющую жену вырезать из жизни не стал. А зачем? Для качественного секса вовсе не обязательно иметь красивую жену, все плотские радости можно найти в ночных клубах. Зато стареющая, бездетная, безденежная и накачанная комплексами вины жена блестяще отгнет мужское лидерство, его монопольное право на власть в семье. А молодость и красота – это сильное оружие, против них нужны сверхмощные аргументы, особенно большие деньги, особенное обаяние, любовь и мужественность, с которыми у Юдина были проблемы.

– Тогда, может, на Мальдивы? – осторожно предложила жена, прекрасно помня, как два года назад на атолле Ари Юдин наступил на какую-то морскую гадину, после чего его нога стала напоминать надутую резиновую перчатку. Он кричал на жену так громко, что сбежался персонал гостиницы. Прыгая на одной ноге, Юдин переворачивал пластиковые лежаки и вырывал из песка зонтики. «Хотела Мальдивы?! Получила?! Удовлетворилась?!» – срываясь на визг, кричал он, а Мила бегала вокруг него и не знала, с какой стороны лучше поддержать мужа под руку.

Мила перевернула очередную страницу буклета. Она запуталась, затерялась в галерее неправдоподобно ярких фотографий, где море, пальмы, отели, двуспальные кровати и сервированные столы почти не отличались друг от друга, но все еще не сдавалась, все еще пыталась найти компромисс.

– Кипр, Эмираты, Турция, Греция, Италия, Чехия, Черногория, – перечисляла она, будто играла в морской бой и, отчаявшись точно попасть в цель, перешла к ковровой бомбардировке.

– По-моему, тебе все равно, куда ехать. Ты хоть знаешь, где находятся эти страны?

– Зачем знать? – отшутилась она. – Самолет довезет.

– Так может говорить человек, который не знает цен и не зарабатывает.

– А что ты хочешь? – мягко вспылила Мила, что редко могла себе позволить. Она захлопнула буклет и кинула его на столик.

– Чего-нибудь нового! Необычного! Чтобы удивило! Чтобы продрало до спинного мозга! А валяться на пляже я больше не хочу!

Юдин захватывал новый плацдарм свободы. Он подводил жену к выводу о необходимости впрямь отдыхать врозь.

– Тогда лети в космос, – предложила Мила.

– Космос – слишком дорогое удовольствие, – с полной серьезностью заявил Юдин. – Если бы ты подарила мне двадцать миллионов долларов, то я бы полетел.

Она не могла подарить ему даже более-менее приличного галстука. В НИИ, где она дописывала диссертацию по проблеме уменьшения числа Кнудсена с одновременным утончением пограничного слоя в сопле Лавала, денег не платили, помещения не отапливали, а позже отключили воду в туалете, и туда приходилось ходить с ведром. Не желая мириться с тем, что она, без пяти минут кандидат наук, обладательница двух высших образований, материально зависит от мужа, Мила стала лихорадочно искать новую работу с достойным заработком, но ей

либо вовсе не платили, либо ставили грабительски-невыполнимые условия. Окончились долгие поиски тем, что подруга устроила Милу оператором во вневедомственную охрану.

Она сидела на телефоне, ставя и снимая с сигнализации квартиры. Ей сообщали пароль и код квартиры, а она отвечала: «Сняла Юдина!» Юдин насмешливо спрашивал, правильно ли понимают ее клиенты, когда слышат, что она что-то «сняла». Деньги Мила приносила какие-то смешные. Юдин знал, зачем она с таким упорством ходит на службу – чтобы частично выбить из его рук главный козырь. Оставаясь единственным добытчиком, Юдин напрочь игнорировал какие-либо семейные обязательства, мотивируя тем, что у него был тяжелый рабочий день. Теперь же и Мила, вернувшись с работы, хоть и вяло, но все же могла парировать: «И у меня был тяжелый рабочий день!»

Он долго думал, как распорядиться ее зарплатой, и наконец закрепил за ней обязанность снабжать семью туалетной бумагой...

Мила дулась в дозволенных ей рамках. Юдин с тонко поставленной гримасой рассматривал едва отросшие волоски на мускулистых икрах Милы. Они молчали, но по-разному. Молчание Юдина означало: «Мне все надоело – и ты, и твои замызганные курорты. Хочется свежих, ярких и острых ощущений». Молчание Милы, болезненно опущенные глаза и искривленный скрытой мукой рот говорили: «Тебе деньги достаются задарма, ты получаешь их не напрягаясь, тебе платят за твой толстый живот и заплывшие веки. Ты с жиру бесишься, пресыщенный боров!» Пресыщенный боров – это не было фантазией Юдина. Этот фразеологизм сорвался с губ Милы после того, как она узнала, что Юдин регулярно посещает массажный салон, где его умело принуждают «расплескаться» три голые девицы (две с Украины, одна из Адыгеи. Все страшно «гыкают» и «шокают»). Богу и царю негоже было оправдываться, и Юдин, ухмыляясь, заявил, что напрасно она моральничает, потому как супружеской измены с его стороны не было, а имел место своеобразный способ релаксации, физиологического облегчения, ибо уже ничто другое – ни водка, ни боулинг, ни бильярд – не восстанавливает его нервную систему. Тогда Мила позволила себе невиданную дерзость и скомканным от обиды голосом ответила: «Конечно, ты уже все испытал в жизни. В семье тебя уже невозможно удивить, возбудить или обрадовать. А мне что теперь делать? Я для чего тебе?» И выдала тот самый оскорбительный фразеологизм. Юдин не ударил ее, не выставил за дверь. Но четко дал понять жене, что это оскорбление полностью развязывает ему руки и окончательно освобождает от каких бы то ни было моральных обязательств. И подытожил: «Уж, конечно, ты со своей дрожжевой внешностью и подкожным холодцом не возбуждаешь во мне интереса». Мила, кусая губы, чтобы не выплеснуть слезы на паркет, ушла, хлопнув дверью. Но через несколько часов вернулась. Ей ровным счетом некуда было идти. Мать не пустила бы ее на порог своего дома, обозвала бы дурой и приказала бы терпеть, терпеть и еще раз терпеть ради материальных благ. «Сколько раз парк обошла? – издевательским тоном поинтересовался Юдин, надкусывая копченое куриное крылышко и отхлебывая пиво из бокала. – Небось представляла, как я кидаюсь тебе в ноги?»

Милу как током ударило. Она в самом деле представляла себе нечто подобное, что помогло ей выплакать все до последней слезинки. Однако сдержала порыв снова выйти из квартиры, неслышно прошла в спальню и там притихла, как нагулявшаяся и озябшая кошка.

А Юдин про себя отметил, что планка терпимости Милы повысилась еще на несколько пунктов и теперь можно наглотать пуще прежнего. Никогда она от него не уйдет, что бы он ни творил! Никому не нужна стареющая бесплодная женщина. Нет у нее ничего за душой и не будет. Даже квартиру в случае развода разменивать не придется, так как по документам она принадлежала фирме, которую возглавлял брат Виктор. «Не дуйся так!» – примирительно прошептала Мила, когда Юдин забрался под одеяло и начал кряхтеть и чесаться. Юдин понял, что может нечаянно сойти с захваченного плацдарма, на примирение не поддавался и буркнул: «От тебя пахнет потом». Мила пулей выскочила в душевую, долго плескалась там, натирая мочалкой где только могла достать. Когда она – раскрасневшаяся, скрипучая от чистоты –

вернулась в кровать, Юдин притворился спящим. Ему не хотелось признавать, что супруга теперь благоухает.

И в этот раз они сразу затихли в кровати, старательно сдерживая дыхание и не шевелясь, словно враждующие лазутчики на нейтральной территории. Юдин жадно удерживал захваченные позиции. Этим отпуском он распорядится сам, от первого до последнего дня. Он выгребет всю завоеванную в трудных боях свободу до последней капли. Он позволит себе то, что даже в голову не приходило его избалованным коллегам по работе. Юдин поедет на Тибет к буддийским монахам! Или совершит восхождение на Эверест... Нет, он опустится в батискафе на дно Марианской впадины! Или проедет по сельве на джипе! Ведь Юдин – крутой, молодой и сильный мужик! Ему все по плечу! Он супермен! Он звезда первой величины!

Правда, звезда первой величины недавно перешла условно-психологический барьер и теперь весила сто двадцать килограммов (по утреннему замеру, после посещения). Это несколько портило тот имидж, в который Юдин себя старательно упаковывал. Конечно, в его рыхлом животике виновата жена. «Кипр, Эмираты, Турция, Греция...» По ее прихоти ему приходилось часами валяться на пляжах, а потом обжираться в ресторане, через силу впихивая в себя бесконечный all inclusive. Он передавал, как клопов, пляжные шезлонги всех континентов (исключая Антарктиду, так как холод Юдин не переносил) и полностью выбрал весь спектр однообразных туристских предложений. И потому утром Юдин в ультимативной форме объявил жене, что нынешний отпуск они проведут раздельно, каждый по своему усмотрению.

Мила восприняла это решение едва ли не как безоговорочное желание Юдина расторгнуть брак. Она даже всплакнула в ванной, там же умылась, просушила феном ресницы и накрасила их заново.

– Ты хочешь поехать на море с любовницей? – не то спрашивая, не то утверждая, сказала она.

– Что ты, динозаврик мой! – снисходительно ответил Юдин, целуя женин кончик уха. – Ты навсегда отбила у меня интерес к женскому полу.

Она с испугом взглянула на него:

– Ты что ж, теперь интересуешься мальчиками?

Дура душой! Он так ей и сказал. Мила, частично соглашаясь с этим утверждением, глупо хихикнула и стала подбирать с паркета листочки фикуса. Зеленое лохматое чудовище, вымаханное почти до потолка, вдруг стало осыпаться. То ли лето выдалось очень жарким, то ли разросшимся корням стало тесно в глиняном греческом горшке. Юдин смотрел, как жена ползает по полу, складывает в пакет жесткие гляцевитые листья, словно рассыпанные доллары, и думал о том, что отправлять жену на курорт и при этом не испытывать страхов и сомнений – редкое и ценное явление, которое надо лелеять и холить.

– Я дам тебе триста... нет, даже четыреста долларов, – сказал он, удивляясь своей необыкновенной щедрости. – И можешь выбирать страну.

– Я буду по тебе скучать, – пообещала Мила, протягивая ему рекламный буклет, на обложке которого был запечатлен загорелый парень с впалым животом и серфингом под мышкой.

Едва Мила понесла очередной урожай фикусовых листьев в мусоропровод, Юдин измерил портняжным сантиметром объем своего живота. «Надо худеть!» – твердо решил он. Месяц назад было на два деления меньше. Потом Юдин, разумеется, пошел на кухню, чтобы повысить настроение естественными морфинами, в большом количестве находящимися в копченой грудинке и жирной рыбе. «Мила уедет, – клятвенно заверял себя он, – и я возьмусь за себя. Никаких разносолов! Спартанский режим. Экстремальный спорт. И много-много женщин. Говорят, от них быстро худеют».

На последней странице рекламного буклета наседали друг на дружку объявления об экстремальных развлечениях. Юдин читал их и мысленно прикладывал к себе, словно одежду в

примерочной. Сплав по горным рекам, восхождения, полеты на парапланах, рафтинг, а также походы по местам боевой славы он отмел сразу. Почти все эти удовольствия он испытал в годы комсомольской юности, когда вес его тела с трудом мог расшевелить стрелку весов. Подавляя зевоту, Юдин опустил взгляд в самый низ страницы и нашел там следующее предложение от некоего экстрим-агентства «Сламбер»: «Испытайте себя в роли великого полководца, террориста, захватчика или гангстера. Впечатляющий размах! Предельное эмоциональное напряжение!» Жизнь научила его с опаской относиться к рекламным объявлениям, тем не менее он очертил объявление коричневым косметическим карандашом.

– Нашел что-нибудь? – спросила Мила, вернувшись.

Она долго рассматривала то, что Юдин поместил внутри коричневой окружности. В экстрим-агентство «Сламбер» он поехал немедленно, потому как Мила, действуя ему на нервы, демонстративно обвела толстым черным маркером фотографию мускулистого серфингиста и взялась за телефон... Чертовски приятно распорядиться своими деньгами, не согласовывая это с женой! Юдин вел машину необыкновенно плавно, словно скоростной катер по гладкой поверхности моря. Хилое чувство жалости он без усилий подавил воспоминаниями. Как она вместе с мамашей унижала его! Но время – чудесный судья. Оно все расставило по местам, каждому определило свою нишу в иерархической лестнице жизни. Теперь Мила – ничтожество, пустое место, бледная тень, за плечами которой нет ничего, кроме двух высших образований. В былые времена она при любом удобном случае напоминала ему о своих дипломах и учености. Юдин завидовал, мечтал поступить в какой-нибудь вуз и стать полноценным человеком. Вовремя одумался. Ну что такое высшее образование? Что это образование дает Миле? А он, Юдин, и без образования личность. Он делает бабло. У него крутая тачка. У него штаны свалились бы под тяжестью денег, которыми набиты карманы, если бы не пузо. Он может позволить себе многое!

2

У сотрудницы турагентства были накладные ресницы, причем такие огромные, что, когда она хлопала ими, от ветра шевелились странички перекидного календаря.

– Меня зовут Гертруда Армаисовна, – медленно говорила она, откинувшись на спинку крутящегося кресла и посасывая пухлыми губами кончик авторучки. – Наше агентство работает по контракту с актерами, декораторами, пиротехниками и каскадерами «Мосфильма». Вы либо сами придумываете тему игры – но это будет стоить дороже, либо выбираете ее из наших заготовок и определяете свою роль. Сценарист пишет сценарий. Два дня на подготовку площадки – и начинается действие!

Юдин с первого раза ничего не понял, потому как его внимание было сосредоточено не на словах сотрудницы, а на ее груди. Два полушария томились в тесном платье и выглядели из-за него, словно полированные лысины солдат, сидящих в окопе. Юдин думал, переспал бы он с ней или нет, а если да, то сколько бабла отвалил бы за эту радость. Сотрудница была сложена непропорционально, все детали в ней были словно сняты с других людей: грудь несоизмеримо больше плеч; голова маленькая, сплюснутая, зато нос большой, словно клюв у вороны; ноги крепкие, мясистые, бройлерные, а вот бедра узкие, и попка как резиновая грелка без воды. Издали ей можно было дать двадцать пять, а вблизи – тридцать пять. Тяни-толкай какой-то, а не сотрудница экстрим-агентства. Но тем не менее была в ней некая извращенная сексапильность.

– Действо? – переспросил Юдин, переключив внимание на большой плакат, висящий над девушкой. Актер Юрий Яковлев, одетый в костюм царя Ивана Грозного, сердито замахивался мечом.

– Вы любите историю? – Гертруда Армаисовна тотчас перехватила взгляд Юдина. – Древний мир? Средние века? Или новое время?

Она поднялась из-за стола и стала медленно наступать на Юдина.

– Новое время, – ответил Юдин.

– Я так и думала, – с тихим волнительным присвистом произнесла Гертруда Армаисовна. – У вас хороший вкус. Хотите стать знаменитым гангстером Аль Капоне? Или испытать все то, что испытывал Пугачев, сидя в подвале Бутырки? Или прочувствовать на себе последние часы жизни Гитлера?

Юдин представил, как Гертруда Армаисовна взмахивает рукой и все вокруг неузнаваемо меняется, откуда-то доносятся тяжелые гулы взрывов, с потолка сыплется штукатурка, мимо носятся испуганные люди в гестаповской форме и Ева Браун по-паучьи подкрадывается к нему со смертельным шприцем в руке...

– Я предпочел бы прочувствовать на себе лучшие часы жизни турецкого султана, – ответил Юдин.

– Прекрасно, – легко согласилась Гертруда Армаисовна и вернулась к столу. Достала откуда-то пухлый скоросшиватель и принялась листать страницы. – Султан... султан... А не желаете стать монгольским ханом? Это почти то же самое. Заявок много, но есть свободное окно на послезавтра.

– Я не совсем понял, – признался Юдин, прижимаясь спиной к стене, – что значит стать монгольским ханом? Это как? Какой-то наркотический препарат?

– Что вы! Что вы! – с негодованием замахала руками Гертруда Армаисовна. – Какие наркотики?! Только реальность! Я же вам объясняла: актеры, декорации... Допустим, вы пожелали стать монгольским ханом. И вот словно на машине времени вы попадаете в Древнюю Русь. Со своей ордой врываетесь в деревню. А там – хаты, крытые соломой, девушки в длинных белых сорочках, седебородые старцы с большими ендовами...

– С чем, простите?

– Неважно! – отмахнулась Гертруда Армаисовна. Она уже наполовину ушла в мир воображения, и ее широко раскрытые глаза сверкали как бриллианты. – А вы – жестокий и беспощадный завоеватель. Вы приказываете своим воинам сжечь деревню. Соломенные крыши вспыхивают, как факелы. Черный дым коптит небо, заволакивает солнце. Повсюду беснуется пламя. Девушки, подхватив подолы рубах, в ужасе бегут к лесу, но вы настигаете их на своем вороном коне и начинаете насиловать...

– Как насиловать? – уточнил Юдин, чувствуя, как у него екнуло сердце.

– Как-как! Разве вы не знаете, как это делается?

– По-настоящему? – волнуясь от открывшейся перед ним перспективы, уточнил Юдин.

– Конечно, по-настоящему! В этом-то вся изюминка!

– А мне потом мотать срок?

Гертруда Армаисовна осеклась, цокнула ногтями по полированной поверхности стола, посмотрела на Юдина иронично, как он часто смотрел на Милу.

– Все это – игра, молодой человек, инсценировка. Понимаете? Деревня – бутафорская. Люди, участвующие в массовке, – актеры. И девушки не совсем обычные, а... как бы вам сказать... в общем, профессионалки своего дела. Разве что кони и огонь будут самыми настоящими.

«Вот это да!» – подумал Юдин, чувствуя, как у него взопрела спина и учащенно забилося сердце. Ему было неловко признаться даже самому себе, что предложение сотрудницы экстрим-агентства попало не просто в «десятку», оно угодило в самые затаенные уголки его души, выковырнуло их на поверхность, придало им конкретные и ясные контуры. Юдин даже предположить не мог, что именно этого – безграничной власти, приправленной некоторой долей жестокости, – ему так остро хотелось, но это желание до сих пор где-то пряталось, ничем не выдавая себя. Монгольский хан! Воин, поработитель, захватчик, насильник! Вот из чего состояла вторая, скрытная, потусторонняя суть Юдина!

Ему трудно было скрыть свои чувства. Юдину казалось, что Гертруда Армаисовна заметила его волнение и мысленно смеется над ним: все вы, мужики, такие! Если бы он курил, он бы непременно закурил, чтобы чем-то замаскировать свое смятение. Гертруда Армаисовна принялась раскладывать перед Юдиным фотографии, словно пасьянс. Фотографии были похожи на кадры из фильмов: и конница во главе с Чапаевым неслась на пулемет, и танки шли ромбом, кромсая гусеницами горячий снег, и гангстер палил из двух пистолетов по дверям банка.

– Это лишь некоторые эпизоды игр, поставленных нашим экстрим-агентством. Как видите, у наших клиентов богатая фантазия. Кто-то пожелал стать генералом и командовать танковой армией, кто-то – гангстером и ограбить банк... Вы вот возжелали стать монгольским ханом. Кстати, очень, очень интересная роль. Мужчины, которые испытали ее на себе, были просто в отпаде.

«Конечно, это естественное желание, – успокаивая себя, подумал Юдин. – Не я один такой. И нечего этого стыдиться. Все мы где-то в душе немножко доминанты, самцы и деспоты. Это заложено в нас природой. Силой разума мы сдерживаемся, ведем себя цивилизованно, а во время игры расслабляемся и становимся теми, кто мы на самом деле».

– Мне главное, чтобы нервы пощекотало и чтоб вот здесь продрало как следует, – признался Юдин и постучал себя кулаком по груди.

– Это я вам гарантирую, – без тени сомнения ответила Гертруда Армаисовна и положила перед собой чистый бланк договора.

Все складывалось очень удачно. Мила улетала в Анталию завтра утром, и Юдин после ее отлета мог спокойно скакать со своим войском по деревне, жечь, грабить и... и чинить прочие ханские безобразия.

– Что тебе сказали в экстрим-агентстве? – спросила она, примеряя у зеркала белую футболку с лиловым цветком на груди.

Юдин скорчил гримасу, словно выпил хлористого кальция.

– Так... – уклончиво ответил он. – Чепуха какая-то.

– Может, мне отказаться от Анталы и поехать с тобой на какой-нибудь экстрим?

Тут надо было сыграть тонко. Юдин сделал вид, что обдумывает это предложение. Стал вспоминать, что Мила ненавидит более всего. Во-первых, отсутствие души. Затем – жесткую постель. И еще холод. И, конечно, сырость.

– Давай, – ответил он, ничуть не сомневаясь, что жена откажется. – Меня ребята давно приглашают в байдарочный поход по Таймыру. Романтика! Палатки, костер, тундра, песни под гитару. Правда, погода там неважная, комары, сырость. Да и снег может пойти в любую минуту.

– А мы купим непромокаемую палатку и пуховые спальные мешки, – вдруг проявила небывалый аскетизм Мила. – Мне давно хотелось побывать с тобой на краю света! – И она легкомысленно пропела: – «Держись, геолог, крепись, геолог! Ты ветру и снегу брат!»

Юдин незаметно сконфузился. Развивать тему Таймыра становилось опасно. Кто знает, какие бредовые идеи поселились в черепной коробке этой дуры? Мила глядела на мужа насмешливо и выжидающе, словно хотела сказать: что, дружочек, струсил? Ответ был за Юдиным. Он чувствовал, что, если сыграет ва-банк и согласится поехать с ней на Таймыр, – она поедет.

– Тебе нельзя ночевать в палатке, – сказал он, дуря от собственной жестокости. – Застудишь яичники и тогда вообще будешь безнадежной, как старая смоковница.

Он напомнил ей о ее беде, о нематеринстве, неполноценной женскости. Мила продолжала улыбаться, но уже не так. Теперь ее улыбка больше напоминала гримасу обиженного, готового заплакать ребенка.

Он не стал провожать ее, и Мила поехала в аэропорт на автобусе от «Речного вокзала». Чтобы исключить какие-либо неприятные недоразумения, ближе к полудню Юдин позвонил в справочную и выяснил, вылетел ли самолет в Анталю. Ему подтвердили, что не только вылетел, но уже благополучно приземлился. Тогда Юдин позвонил жене на мобильный. От вчерашнего разговора у него остался неприятный осадок в душе, и ему хотелось сказать Миле что-то ласковое и приятное. Она ответила. Фоном за ее словами стоял акустический гул и путаная многоязычная речь.

– Как ты долетел, лапусик? – притворно сюсюкая, спросил Юдин.

– Замечательно! Только здесь очень жарко. Я на рецепшене, сейчас оформлюсь и сразу пойду на пляж. Так хочется поваляться на песочке! А почему у тебя голос такой напряженный?

– С чего ты взяла? Нормальный у меня голос.

– Нет! Я же чувствую! Какой-то напряженный голос, будто ты собираешься сделать что-то плохое.

– Тебе показалось, лапусик, – начал заверять ее Юдин, чувствуя, что у него в самом деле изменился голос.

Размалывая кофе в золотой мельнице, которую отобрал у ростовского должника, Юдин пытался представить, как бы отреагировала жена, если бы узнала, что он готовится с увлечением сыграть роль насильника. Лицо жены и произносимые ею слова в воображении Юдина почему-то получились размазанными и неопределенными. Зато чувство стыда, которое он испытал, было на удивление сильным и хорошо выраженным. Такого стыда не возникло даже в тот момент, когда жена узнала про массажный салон. «Массаж, конечно, это совсем другое, – вынужден был признать Юдин. – А интерес к насилию пахивает маньячеством...»

Кофе убежал, и Юдину пришлось дожидаться, когда плита остынет, чтобы ее можно было отмыть. Теперь ему не давала покоя мысль, все ли он сделал для того, чтобы жена никогда не узнала про игру в монгольского хана. В договоре с агентством Юдин указал вымышленную фамилию. Сейчас он даже не мог припомнить, какую именно. То ли Брянчанинов, то ли Брянсков, то ли Брянчев. Домашний адрес тоже извратил до неузнаваемости, лишь указал площадку

у продуктового магазина, где его должна будет ждать машина. Гертруда Армаисовна ничего не перепроверяла, ей было наплевать, где живет и как себя именуется клиент. Ей были нужны только деньги.

«Откуда еще может всплыть ханство?» – терзался вопросом Юдин. Он вдруг вспомнил про рекламный буклет, на последней странице которого очертил телефон и координаты экстрим-агентства. Вдруг Миле взбредет в голову нагрянуть туда после возвращения из Анталыи и поинтересоваться, какой услугой воспользовался ее муж? Маловероятно, и все же такую возможность надо было исключить полностью.

Юдин принялся искать буклет. Еще вчера он лежал на журнальном столике, но перед отъездом Мила наводила в гостиной порядок и наверняка убрала его куда-то. Юдин заглянул в узкий шкафчик под большим, на полстены, телевизором, где обычно лежали старые журналы с программой ТВ. Буклета там не было. Юдин посмотрел в спальне – Мила любила перед сном почитать всякую периодическую лабуду. И там буклета не оказалось. Можно было бы махнуть на него рукой – нет так нет. Но Юдин почувствовал скрытую опасность и проявил упрямство. Он начал методично обыскивать всю квартиру. Опустившись на четвереньки, заглянул под шкафы, диваны и кресла. Детально исследовал кухню, оба санузла, столовую и кладовую. Пропал буклет, словно его никогда и не было!

Юдин пошел на принцип. Он почувствовал, как в нем разбухает злость. Так с ним всегда бывало, если у него что-то не получалось. Но добивался своего Юдин не сдержанным упорством и целеустремленностью, а гневом и злостью. Он перевернул несколько тумбочек, вывалил содержимое комода в спальне и, путаясь в разно-цветной пряже (когда Мила не работала, то выпросила у Юдина вязальную машину и пыталась научиться вязать кофточки и джемпера), пнул ногой женину подушку. Вот ведь какая дура! Кто просил ее трогать буклет? Куда она его подевала?

Отыскивая глазами объект, на который можно было бы выплеснуть злость, Юдин вернулся на кухню и вдруг догадался проверить мусорное ведро. Черный пакет уже был заполнен почти до краев, и Юдин, борясь с брезгливостью, сунул в него руки. Он перебирал картофельные очистки, скользкие пивные бутылки, луковичную шелуху, отвратительные жилисто-мясные обрезки и наконец нащупал что-то похожее на буклет. Выудил его из пакета, отряхнул от налипших на него апельсиновых шкурок и уже хотел было оторвать последнюю страницу, как с удивлением обнаружил, что это уже сделано до него. Он поднес буклет к окну. Странно! Последняя страница, на которой он нашел адрес и телефон экстрим-агентства, была не просто вырвана. Она была аккуратно отрезана, причем так, что линия отреза проходила по корешку буклета.

Разумеется, это сделала Мила, так как больше было некому в их немногочисленной семье. Но зачем? И для чего такая ювелирная аккуратность? Резала наверняка лезвием для бумаги и по линейке, по-другому так ровно не отрежешь. Значит, она страничку с координатами агентства вырезала, а буклет выкинула...

Юдин пребывал в недоумении. На Милу, практикующую в быту порывистые жесты и движения, это не было похоже. Она бы просто рванула страницу из буклета, выдирая ее как придется. А тут прямо-таки тонкая, генетическая работа.

Он отправил буклет в мусорный пакет и стал старательно намыливать руки. Вода с урчанием затаскивала пену в мрачные коридоры и пещеры сливных шлангов и канализационных труб. Юдин смотрел на себя в зеркало. А в нем, как ни странно, есть едва заметные монголоидные черты. Кто знает, может, когда-то давно монгольский воин завалил в траву его прапрапрабабушку... И побежала узкоглазая хромосома по генеалогическому древу. Вот потому и прет из него доминанта, тянет на насилие, на подавление, на унижение. И нечего тут стыдиться. Это качество воина, солдата, бойца. А Юдин – боец! В ресторане у него кусок в горло не ползет, если он не построит перед собой всех официантов и поварской состав. Как в армии:

ну-ка носочки подровняли! Ближе, ближе, к ноге! С какой стороны вас учили меню подавать и водку наливать? Ась? А когда можно тарелку уносить? Не слышу, громче! Как должны лежать на ней приборы, ась? А я ведь тот кусок мяса не доел, а очень хотел это сделать. Только не надо кидаться в посудомоечную и выковыривать из бака с отходами этот кусок. Новый несите! И бегом, пока у меня чувство сытости не появилось, а то всю кайфушку испортите!

Вот так надо с людьми разговаривать. Тогда уважать будут. И к жене это правило относится в первую очередь. Жена должна трепетать перед мужем. Зря, что ли, он ее содержит?

3

Эти мысли возбудили в нем голод, и Юдин пошел в кафе «Катакомбы». Там он выпил две кружки пива. Строить официантов не было желания, хотя в бокал напустили слишком много пены, и она пузырячатой слюной сползла на скатерть. Когда он воткнул вилку в отбивную на косточке, позвонила сотрудница экстрим-агентства. Декорации почти готовы. Актеры готовятся к своим ролям. Завтра утром за Юдиным заедет микроавтобус. Полтора часа езды. Синоптики обещают хорошую погоду.

Теперь Юдин не мог думать ни о чем другом, кроме как о завтрашней игре. Ему не терпелось примерить костюм хана. Жаль, он отказался от видеосъемки. Испугался лишнего компромата... Хм, компромат. Слово-то какое страшное! Он представил, что случится, если Мила увидит фильм, где он насилует девушек. Она будет в шоке. Ну и что? Месяц не будет с ним разговаривать. Ну и что? Будет плакать. Ну и что? Слезы – не чернила, высохнут бесследно. Собственно, ничего страшного не произойдет. Подумаешь, пострадает немного. Но никакой катастрофы не будет! Никакой! Брат не выгонит его с работы, не отберет квартиру, машину, дачу, деньги. Значит, ничего не случится. А жена – она дура. Ее легко можно будет убедить в том, что это всего лишь кино, игра. Вынуждены же актеры кино сниматься в постельных сценах! И все относятся к этому с пониманием.

– Вам понравилось? – спросила официантка, принимая деньги.

– Нет, – ответил Юдин. – Словно говна наелся.

Что за вопрос? Кто разрешил этой распаренной варочными парами девице задавать ему, Юдину, монгольскому хану, такие вопросы? Он вышел на улицу. Позвонить в агентство и заказать видеосъемку?

Он все же решил не торопиться и посмотреть, что из всей этой затеи выйдет. Может, получится такая параша, что ее не то что на пленку писать нельзя будет, но даже вспоминать о ней будет стыдно. И в массажный салон он не поехал, хотя воля кружила ему голову и высвобождала из застенков разума самые разнузданные желания. Сегодня он будет вести себя целомудренно. Это будет дань семейной жизни.

Занять долгий, по-летнему медленно угасающий вечер было нечем, и Юдин рано лег спать, плотно зашторив окно. Уснуть ему сразу не удалось. Он долго ворочался, душу его наполняли смутные тревожные чувства. Он даже немного робел от надвигающейся миссии. Где-то сейчас шла работа, под него моделировался кусочек истории, и Юдин готовился примерить эту модель на себя, потрогать, пригубить ту жутко безграничную власть, коей когда-то упивались сильные мира сего.

Снилась ему мешанина из звуков, отрывочных видений и тягучих ощущений. Встал он рано, под шелест метелок дворников. Тщательно выбрился новым лезвием. Сделал укладку феном, сбрызнул прическу лачком. Ему представлялось, что он готовится к инаугурации. От волнения немного дрожали жилки. Юдин надел новые трусы и носки, сунул в микроволновку парочку замороженных котлет по-киевски. Ожидая, когда запищит таймер, позвонил Миле.

– Я нежусь на солнышке, – томным голосом сказала Мила. – А я позавтракаю и поеду на таможню. Надо товар оформлять, – привычно солгал Юдин.

– У тебя же отпуск.

– Витя попросил. Я не мог ему отказать.

– Не грусти, миленький. Хочешь, я позвоню тебе днем?

– Конечно, динозаврик мой, конечно, звони! Но, скорее всего, телефон будет недоступен.

На складах всегда плохо берет.

– Я очень постараюсь... Знаешь, я уже скучаю по тебе. Ты мне приснился сегодня... Но рассказывать не буду, плохой сон... А ты в экстрим-агентство больше не звонил?

– Нет, – сразу же ответил Юдин и чуть было не спросил, куда подевалась последняя страница буклета. Вовремя прикусил язык. Задай он этот вопрос, Мила обязательно спросит, почему он интересуется агентством.

Микроавтобус приехал на полчаса позже. Непропорциональная Гертруда Армаисовна запальчиво извинялась перед ним и при этом сильно моргала. Юдин сел рядом с водителем на двух сиденьях сразу. Теперь Гертруде Армаисовне приходилось вытягивать шею, чтобы заглянуть ему в глаза. А он отвечал на ее вопросы немногословно, не поворачивая головы... Ах, как ему повезло! Деревушка, которую предстоит сжечь монгольскому хану, состоит из семи настоящих, а не бутафорских домов! В деревушке, конечно, уже лет двадцать никто не живет, но домики сохранились неплохо, и гореть будут, как бенгальские огни. «Местные жительницы» все как на подбор, самой старшей двадцати пяти не будет; все свеженькие, сочненькие, росой умытые, цветами увитые.

Все же, несмотря на ударную рекламу, Юдин не мог избавиться от назойливой мысли, что готовится какой-то подвох, что не будет никакой игры, а произойдет нечто неожиданное, гадкое; что его, Юдина, используют для какой-то гнусной цели, может, попытаются ограбить (он нарочно не взял с собой ни копейки), может, убьют и сожрут. Но это скорее было не предчувствие, а сама фантазия Юдина. Он придумывал всякие страшилки, нагоняя туману таинственности на потрепанный салон микроавтобуса, который наверняка вволю потрудился в качестве маршрутного такси, на молчаливого водителя в серой кепке, из-под которой выбивались дымчатые и пышные, как у Пушкина, бакенбарды, и на унылый однообразный пейзаж, открывающийся из окон машины.

Вскоре микроавтобус свернул с шоссе и затрясся по грунтовке. Юдин понял, что до сладкого мгновения властного восхождения осталось совсем чуть-чуть. По разбитому деревянному мосту переехали загаженную речку и остановились на поляне, поросшей лохматой травой. Гертруда Армаисовна шепотом объявила, что они погрузились в далекое прошлое нашей страны, но Юдину помешала абстрагироваться матово отсвечивающая в кустах крыша грузового автомобиля.

А в остальном все было очень правдоподобно, особенно когда Гертруда Армаисовна вместе с водителем облачили Юдина в пахнущий нафталином стеганный халат, подпоясали его кушаком да натянули на его ноги высокие, как ботфорты, кожаные сапоги. Потом Гертруда Армаисовна с водителем незаметно исчезли, и Юдин пошел к черным, просевшим от ветхости хатам. На трухлявых бревнах посреди заросшей травой улицы сидела группа ряженых. Увидев Юдина, они вскочили, дружно затоптали окурки, повалились на колени и, путаясь в потертых полах своих халатов, стали тукаться бритыми головами о землю. Юдин мысленно отметил, что мужчины здорово смахивают на туркменов, которые часто восседают на заплыванном асфальте у Казанского вокзала с протянутой рукой. Но в общем исторический реализм поддерживался неплохо. «Воины» очень правдоподобно раболепствовали и одновременно лобызали его сапоги. Юдину это нравилось, он великодушно подставлял носок сапога мокрым губам и поглядывал на деревню, притихшую в ожидании нашествия.

Самый старый из «воинов» – с коричневым и сморщенным, как у мартышки, лицом – с олимпийским трепетом поднес Юдину горящий факел, и Юдин, приняв его, повел свое войско творить ханские безобразия. «Воины» предусмотрительно отстали, как бы желая показать, что не претендуют на трофеи своего владыки, но дружно закричали, засвистели, заулюлюкали. И под это звуковое сопровождение Юдин поднес пламя к почерневшей, провалившейся на седловине крыше первой хаты. Гертруда Армаисовна явно преувеличила, когда пообещала, что крыши будут гореть, как бенгальские огни. Отсыревшая и замшелая солома не хотела вспыхивать, как бы старательно Юдин ни тыкал в нее факелом. Неминуемо случилось бы искажение исторической действительности, если бы откуда-то из-за кустов не выпорхнул водитель микроавтобуса с канистрой в руках. Словно черный ангел, поспешивший хану на помощь, он

торопливо плеснул бензин на соломенную крышу и тотчас исчез. Пламя принялось радостно пожирать сдобренную огнетворным соусом кровлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.